

АЛЕКСЕЙ, ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

С утра, казалось, ничего не предвещало ненастья. Разве что небо было чуть ниже и темнее. Накануне прогноз был неутешительный — ожидался снегопад и ухудшение видимости. Мы не придали этому значения, предвкушая возвращение домой с новогодних каникул, которые провели в Казани, городе студенческой юности моей жены. «Третья культурная столица» России, современная Казань, оправдывает это новое для неё определение. Музеи, театры, выставки, общение с внуком, студентом университета, прогулки по знакомым местам, посещение друзей молодости — дни наши были наполнены до предела.

Формировавшийся утренний автобус по маршруту «Казань — Набережные Челны» быстро заполнился пассажирами. Рядом с нами в конце салона оказался молодой человек лет двадцати. Худощавый, аккуратный, невысокого роста. Необычным показался его взгляд: такой бывает у людей одухотворённых, воцерковленных.

Выехав за город на трассу М-7, многие пассажиры автобуса от своих сотовых операторов стали получать СМС с информацией о резком ухудшении метеоусловий на трассе и напоминанием телефонов МЧС, по которым можно обратиться в случае чрезвычайной ситуации. Действительно, вскоре пошёл снег с порывами ветра, и видимость стала ухудшаться. Водитель сбросил скорость, пассажиры стали проявлять беспокойство, вглядываясь в окна, и лишь молодой человек был спокоен. Достав из сумки молитвослов, он начал читать «Отче наш», затем другую молитву «Живый в помощи Вышняго». Я узнал этот 90-й псалом, поскольку в своё время изучал переложения псалмов русскими поэтами XVIII века. Считалось, что именно эта молитва обладает могущественной силой, когда человеку угрожает смертельная опасность. «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится, речет Господев: Заступник мой еси и Прибежище моё, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит мя от сети ловчи, от словесе мятежна...», — шептали его губы. Соседи по салону бросали на него осторожные взгляды, думая, очевидно, о странности молодого человека.

Я разговорился с ним. Оказалось, что он учится в Московской духовной академии и едет из Троице-Сергиевой Лавры домой в родную деревню на каникулы. Он первокурсник, а до этого год обучался на подготовительном курсе.

— Теология — трудная наука, — делится он. — По итогам зимней сессии у меня остались две задолженности. Но ничего, отдохну сейчас у родителей, и, Бог даст, осилю эти предметы. А в деревне ещё бабушка живёт, вот везу ей разные вкусные продукты. Автолавка туда зимой приезжает раз в неделю, ассортимент скудный, думаю, порадуя её.

Он набрал по сотовому телефону отца, который должен встречать сына на трассе, и попросил не волноваться, если непогода задержит его в пути. Поинтересовался, в рабочем ли состоянии пианино в школе, он соскучился по инструменту, в академии ведь звучит лишь акапельное пение.

— Как вас зовут, — поинтересовался я.

— Алёшей нарекли.

— Очевидно, вы родились в марте.

— Нет, в мае, — ответил он, поняв мой вопрос. — Мои родители учителя, назвали они меня не по святцам. Я должен бы называться Николаем, поскольку родился на Николу Вешнего.

Автобус между тем встал, и как оказалось, надолго. Автомобильная пробка образовалась из-за аварии с участием нескольких машин и так называемой «фуры», которая перегородила трассу. Послышались звуки пробирающихся карет скорой помощи и спасателей, а для нас потянулись часы ожидания.

Водитель наш не бездействовал, он созванивался со своей транспортной организацией и выяснил, что другой их автобус, идущий по встречному маршруту «Набережные Челны — Казань», делает попытку развернуться в обратном направлении. Если это ему удастся, то можно будет обменяться пассажирами, но для этого мы должны преодолеть пешком почти двухкилометровую автомобильную пробку при шквальном ветре и снеге.

Первая попытка не удалась. Пройдя метров сто, мы были остановлены сотрудниками МЧС. Пробираться далее было небезопасно, поскольку там велись спасательные работы: извлекали раненых пассажиров из аварийных машин с использованием спецтехники. И вновь часы ожидания в салоне автобуса. Мы волновались — с нами не было Алёши, куда он мог деться, ведь сумка дорожная была на месте? Оказалось, что он помогал пассажирам, попавшим в снежный плен.

— Я заметил, что многие пассажиры с детьми в салонах легковых машин засыпают. А ведь этого нельзя делать. В закрытых с людьми машинах со временем заканчивается кислород. Я всё время ходил между машин, будил их и успокаивал, что всё будет хорошо. Сейчас немного погреюсь и вновь пойду.

«Милый мальчик, — подумал я, — в этой сложной ситуации он беспокоился не о себе, а о тех, кто нуждался в помощи и заботе. Не освоив ещё теорию теологии как науки, живёт и мыслит по заповедям Божиим. Воистину *«блаженны кроткие»*, те, что терпеливо переносят всякие несчастья, не огорчаясь и не ропща на Бога, *«блаженны милосердные»*, ибо будут рядом с Христом и будут помилованы им».

Начинало смеркаться. Казалось, что этот плен не закончится никогда. Но вдруг открывается дверь автобуса и водитель радостно объявляет, что пришла к нам пешком группа пассажиров из встречного рейса. Значит, и мы сумеем пробраться в автобус, что стоит по другую сторону пробки. Взяв на руки ребёнка одной из пассажирок, Алёша возглавил нашу колонну и сквозь бесконечный снегопад привёл к автобусу, ожидавшему нас.

— Алёша, где же ваша дорожная сумка, — спрашиваю я, заметив, что он проходит на своё место с небольшой сумочкой, перекинутой через шею и плечо.

— А я оставил её в салоне нашего автобуса, потому что нужно было нести тяжёлую поклажу пожилой женщины. Ничего, главное, документы при мне, а там ведь только продукты. Я передал сейчас нашему водителю, чтобы сумку не выбрасывали, там хорошая свежая еда и фрукты, всё надо раздать пассажирам. Ведь они голодны...

И вновь мы отправились в нужном направлении уже в другом автобусе.

Уставшие пассажиры, сообщив по мобильникам своим близким о том, что они преодолели многочасовую преграду, постепенно засыпали, иные дремали. И лишь Алёша продолжал читать молитвослов. Это была молитва последних Оптинских старцев, удивительно успокаивающая душу, укрепляющая дух, содержащая тональность благодарения Господу: *«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что принесёт мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всём наставь и поддержи меня. Какие бы я не получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойною душой и твёрдым убеждением, что на всё святая воля Твоя...»*.

Пожалуй, я только сейчас понял важную вещь. Мы часто обращаемся к Господу с просьбами о помощи и защите. Но всегда ли мы благодарим за то, что молитва наша услышана. Я, взрослый человек с жизненным опытом, многому научился у этого мальчика.

Многие не заметили, как вышел Алёша из автобуса у перекрёстка к своей деревне. Во тьме не видно было, встречал ли отец сына на трассе. Надеюсь, что «да». Путеводная звезда должна привести светлую душу к отеческому дому. А я думал о том, что нас в течение трёх часов пути не обогнала ни одна машина. Значит, трасса до сих пор стоит. Верно, молитвы Алексея помогли нам выбраться из снежного плена.

Обычно поездка из Казани до дома занимала около трёх часов. Нынешняя заняла десять. Но включив следующим утром первый телевизионный канал, мы услышали информацию о том, что чрезвычайная ситуация на федеральной трассе М-7 была ликвидирована лишь под утро следующего дня. Сотни машин и междугородних автобусов провели ночь в пурге, сжигая остатки горючего.

Прошло три года. Каждый раз 30 марта в день поминовения русской православной церковью святого Алексия, человека Божия, я вспоминаю нашего сопутника Алёшу, и передо мной встаёт образ скромного юноши, готовящего себя к служению Церкви. Кажется, что и сегодня я слышу его шёпот:

— *«Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей. Никого не смущая и не огорчая, Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить»*.

ЗАПАХ НАФТАЛИНА

Николенька рос городским мальчиком, активно пользуясь теми скромными благами, которые предоставлял детям послевоенный провинциальный городок. После первого класса он был уже записан в детскую библиотеку, посещал драматический кружок в Доме пионеров и даже выступал в роли диктора на местном радио в передаче, аналогичной союзной «Пионерской зорьке».

Родители его были городскими жителями в первом поколении. Они выехали из родового гнёзда (деревни Ключёвка) на Урал в 1930-е годы в начале индустриализации страны. Паспорта помог «сделать» старший брат матери Семён, который занимал на шахте Красновишерска какую-то начальственную должность. Другие молодые братья матери и отца закрепились в городе после службы в армии, получив там профессии водителей, механиков. А иные выехали из деревни уже в послевоенные годы, когда

началось так называемое «укрупнение» хозяйств и ликвидация неперспективных деревень.

К 60-м годам в Ключёвке осталась одна из сестёр матери Татьяна, солдатская вдова, потерявшая в войну мужа, которая жила со своей свекровью, тоже вдовой солдата Великой Отечественной войны.

В доме Николенки часто говорили о деревне, особенно когда приходили в гости родственники и старенькая бабушка Маня, мачеха отца, воспитавшая его после смерти родной матери.

— Вот придут летние каникулы, отправим тебя в деревню. Там утром и вечером будешь пить парное молоко и есть полевую ягоду клубнику, — приговаривала она.

Наконец, наступил желанный летний месяц июль, ягодный сезон. Ключёвка была от города в восемнадцать километрах, но общественный транспорт туда не ходил, да и в городе-то был всего один автобусный маршрут, проходивший по центральной улице до пристани на Каме. Оставалась одна надежда на грузовую машину полуторку, которая приходила через день из деревни на центральную усадьбу совхоза в городе по разным хозяйственным делам. Водитель и взял мальчонку с его дядей Григорием, вызвавшимся сопроводить.

Деревенская родня встретили мальчика приветливо. На столе стояла большая деревянная миска, доверху наполненная ароматной полевой клубникой, большая кринка молока и яичница в глубоком глиняном горшке прямо из печи. А уж как рада была бабушка Семёновна городскому гостю. Открыла она большой сундук и из глубины его достала бумажный пакет с пряниками. Один пряничек дала гостю, а другой своей внучке и смотрела на них своими ласковыми глазами. Она долго берегла этот пакет, чтобы при случае порадовать деток.

Пряник на язык был сладок, но очень жёсткий. Его можно было только понемногу грызть. Всё бы ничего, но от него исходил какой-то неприятный запах, не известный Николаю. Бабушка внучка как знающий человек пояснила, что так пахнет нафталин.

О бабушке надо сказать особо. Она была главой этой семьи. Кажется, никто не помнил её имени, все в деревне звали по отчеству — Семёновна. Высокая, статная, носила юбки в пол. Поверх юбки фартук от пояса, в будни скромный, в праздник надевался яркий. Большой окованный железом по углам сундук в избе был её личной территорией. Именно в нём в давние времена было её свадебное приданое. А теперь там хранилась одежда, связанные ею и положенные на хранение шерстяные носки и варежки, там же хранились солдатские треугольники — письма с фронта от мужа и сына. Всё это было переложено маленькими тряпичными мешочками с нафталином, чтобы мошь не съела. Вот этот запах и впитали пряники. Николаю не очень хотелось грызть этот пряник, но он понимал, что нельзя обидеть бабушку, ведь она берегла для детей эту сладость и хотела их порадовать, поэтому он долго держал этот пряник в руке и понемногу откусывал сладкие, но отвратительно пахнущие кусочки.

Бабушка Семёновна была всегда при деле: с раннего утра топчется у печи, доит корову и выгоняет её в стадо, потом либо прядёт шерсть, либо вяжет носки, порой садится на крыльце и взбивает масло из сливок. Это целое искусство. В доме не было маслобойки. Масло взбивалось вручную как тысячу лет назад. Сливки наливались в большую бутылку с узким горлом, которая называлась четвертью (старинная мера объёма — три литра, четвёртая часть двенадцатилитрового ведра), бабка на крыльце брала в руки закупоренную бутылку, опираясь локтями на колени, чтобы не держать её на весу, бултыхала бутылку из стороны в сторону. И через пару часов в этой бутылке появлялись кусочки масла с крупные горошины, а сливки превращались в жидкий

обрат. Потом через сито отделялось масло, формировались руками большие масляные кусочки, называемые фунтиками (фунт — старинная мера веса, 400 грамм), которые заворачивались в промытые листья лопуха. Считалось, что в лопухе масло не тает даже в летнее время. Действительно, на городском рынке деревенское масло всегда продавалось фунтами, завёрнутыми в лопухи.

Деревня угощала не только парным молоком, тут были и сливки в кринках, и сметана в горшочках, и творог, и масло в лопухах. А хранилось все в погребе, куда ранней весной набивался снег и лёд, постепенно тающий, но сохраняющийся до августа. Вкушая молочные прелести, Николай начинал понимать смысл слов *корова-кормилица*.

Однажды вечером Николай увидел Семёновну молящейся перед иконами:

— Матушка-заступница, царица небесная — богородица, святые равноапостольные Пётр и Павел, ниспошлите на нас завтра с утра дождь.

— Бабушка, почему вы просите дождь?

— Завтра, сынок, большой престольный праздник в нашем приходе — Петров день.

В старые времена мы ходили в этот день в Гаринскую церковь, сотворённую во имя апостолов Петра и Павла, молились, могилы родителей навещали. Сейчас церковь порушена, крестов нет, там устроен зерносклад. Но если завтра с утра будет дождь, нашим бабам не дадут наряд работать в поле, будем с утра дома молиться, потом испечём пироги, помянем родных, а вечером соберёмся с товарками и попоём наши вдовьи песни.

Глаза Семёновны увлажнились: она вспоминала давние времена, когда после летнего поста в Петров день отдали тятенька с маменькой её замуж за соседского паренька Петрушу, обвенчали в Гаринской церкви, сыграли свадьбу: а теперь и могилки его даже нет, погиб на чужой стороне в этой проклятой войне.

Так Николенька усвоил, что кроме городских праздников 1 мая и 7 ноября есть ещё большой праздник 12 июля — Петров день.

Удивительно, но с утра действительно из небольшой тучки над деревней шёл дождик. А проснулся Николай от запахов в избе, тёплых и густых. У икон в красном углу горела лампада, а на столе под белым полотенцем «отдыхали» пироги: с яйцом и зелёным луком, с морковью, с ягодами, с сушёной черёмухой, которую тётка Татьяна накануне толкла в металлической ступе, шанежки с картошкой.

А к вечеру собирались к Семёновне соседки, садились на скамеечку у дома и начинались песни. Первой вступала Семёновна:

Как по мо-о-о-рю,

Как по морю, морю синему

Плыла лебедь с лебедятками,

Со малыми со детятками.

А далее вступали соседки:

Как подкра-а-а-лся,

Как подкрался тут ясен сокол,

Погубил он лебедь белую...

Песня лилась плавно, двуголосно, как в прежние молодые годы, когда молодёжь водила хороводы.

— Парней молодых в Ключёвке было больше, чем девок, — вспоминает Семёновна, — потому невест сватали из Горшуновки, Груздёвки, Удаловки. А ныне баб больше, многие мужики не вернулись с фронта, а иные, вернувшиеся ранеными, вскоре померли.

И идут разговоры-воспоминания, льются песни не только протяжные, но и весёлые, любовные:

*Коромысло кипарисно, пойду по воду на низ,
Пойду по воду на низ да на Самару на реку.
На Самаре на реке да гуси серые сидят,
Гуси серые сидят да про Ванюшу говорят...*

Что ещё отложилось в памяти городского мальчишки? То, что деревня живёт по другому календарю, нежели город. Крашеное яичко у иконки положено в Пасху, травы лечебные и для чая собирают на Ивана Купалу, когда они набирают силу, мёд не качают и не едят до первого Спаса (Успенья Богородицы), иначе он будет не зрелым, картошку копают на Покров, капусту рубят и солят на Михайлов день, тогда она хорошо хранится в погребе и не киснет до весны.

Вот о солении капусты мальчик узнал много удивительного. При нём вытащили из погреба огромную двадцативёдерную бочку из-под квашеной капусты. Её надо было отмыть. Мыли водой с мочалом и золой. Наполнив потом водой до краёв, разводили рядом костёр, клали в него белые камни, раскаляли их докрасна, а потом металлическими ухватами кидали в бочку. Вода в ней долго кипела. После этой процедуры бочка становилась стерильной и ждала Михайлова дня, чтобы вновь в ней засолили капусту.

Деревня многим удивляла мальчика. Дома в ней были все деревянные, даже клуб, где собиралась молодёжь на танцы и для просмотра кинофильма, что привозил раз в неделю киномеханик из города. Каменным был лишь небольшой магазин, где торговал, как уважительно звали его, Матвей Яковлевич. Николенька никогда не видел в городских магазинах продавцов мужчин. Это всегда была женская профессия. Оказалось, что Матвей пришёл с фронта тяжело раненным, без ноги. Поэтому он не мог работать наравне со всеми мужчинами на машинном дворе, и чтобы не быть в тягость семье, брался за любую работу.

В деревянной деревенской избе тоже много было удивительного для мальчика, это прежде всего полати под потолком, после печки самое тёплое место в жилище, где спали, как правило, дети. Ему нравилось забираться туда и наблюдать сверху, что происходит внизу в избе. К избе через сени примыкала клеть — неотопливаемое помещение из деревянного сруба с одним небольшим окошечком, служащее для хозяйственных целей. Там стояли деревянные, обитые железом (от мышей) сусеки с мукой, деревянные топчаны, в летнее время заправляемые перинами и превращаемые в постель, но самым удивительным был деревянный ткацкий станок, на котором Семёновна ткала ковровые дорожки. Устройство сложное, с рычагами, которые приводились в движение ногами, в то время как руками ткачиха продевала челнок между многочисленными нитями. Смотреть на работу Семёновны было забавно: из клубочков с нарезанной узкими полосками ткани выходила ковровая дорожка, которой застилалась лавка у обеденного стола. Такие же дорожки были и на полу в передней избе. Клубочки с тканью подбирались по цвету, они менялись, поэтому на ковре появлялось подобие разноцветного рисунка.

А ещё клеть благоухала запахами. Высоко на шесте были развешены веники, берёзовые — для бани, и веники из полыни, которыми подметали пол. По стенам висели многочисленные пучки сушёных трав, которые использовали в лечебных целях и просто добавляли в чай. Здесь же висели тряпичные мешочки с липовым цветом, с шиповником, с сушёной черёмухой. Да и в целом деревенское подворье было наполнено многообразными запахами, которых не было в городе: это запах парного молока из подойника, запах полевой клубники, полянки которой начинались сразу за огородом, запах сена, исходивший от скошенной подвяленной травы, которой кормили корову и телёнка, запах берёзовых дров в поленницах, даже сушившийся на заднем дворе кизяк пах более пареной пшеничной соломой, нежели навозом. Запахи

все были живыми, сопровождавшими трудовую деятельность и быт сельского человека, в отличие от запаха нафталина, который убивал насекомых.

Пришло время уезжать Николеньке домой. Тётя Татьяна проводила утром его на машинный двор, передала женщинам, которые тоже ожидали машину в город. Долго прождали машину, а она не пошла в то утро, что-то в ней сломалось. Пришлось Николаю вернуться в дом. Как же сокрушалась Семёновна и извиняющимся голосом говорила:

— Мы же для себя растворили пироги-то из ржаной муки с начинкой из репчатого лука. Белые-то печём по праздникам и для гостей. Сегодня придётся попотчевать тебя чёрными пирогами.

Какими же вкусными оказались эти тёплые ржаные пироги с холодным молоком из глиняной кринки! Вкус и запах ржи с жареным луком был новым и запоминающимся.

На другой день город встретил Николая двумя запахами. На машинном дворе «Сельхозтехники», куда прибыла полуторка, пахло соляжкой и машинным маслом. Улицы пахли июльской пылью: мощёной камнем была лишь центральная улица города, остальные были грунтовыми.

Запахи деревни долго были в памяти мальчонки. Но когда мама приносила из магазина пряники, он всегда к ним сначала принюхивался, прежде чем попробовать. Нет, эти пахли то сгущённым молоком, то мёдом, то мятой, то повидлом, то корицей...

От редакции. Сердечно поздравляем Анатолия Ильича Разживина, профессора Елабужского института Казанского федерального университета, коренного елабужанина, со знаменательным юбилеем. В нынешнем году он отмечает 50-летие своей деятельности на ниве гуманитарного российского образования в родном городе, в родном институте. Надеемся на дальнейшее сотрудничество!

